

ВОСПРИЯТИЕ НЬЮГЕЙТСКИХ РОМАНОВ Э. БУЛЬВЕРА-ЛИТТОНА В РОССИИ В 1830–1860-е гг.

И.А. Матвеевко

Томский политехнический университет

E-mail: mia2046@yandex.ru

Предпринята попытка выявить жанровые особенности ньюгейтского романа английского писателя Э. Бульвера-Литтона, и, в связи с этим, причины интереса, проявившегося к данному жанру в России первой половины XIX в. Восстановление картины восприятия жанра ньюгейтского романа в русской литературе поможет уточнить и особенности данной жанровой модификации в процессе ее эволюции в английской литературе, и связи с другими жанровыми разновидностями романа в русской литературе.

Творчество английского писателя Э. Бульвера-Литтона (1803–1872) не так хорошо известно русскому читателю, как творчество его современников Ч. Диккенса и У. Теккерея. Тем не менее, его произведения представляют достаточный интерес как для чтения, так и для изучения, поскольку романист творил на стыке двух литературных эпох, явился их связующим звеном. Э. Бульвер-Литтон как писатель-беллетрист очень чутко реагировал на изменения вкусов читательской аудитории, активно экспериментировал с формой и тематикой своих произведений. За свою долгую жизнь он попробовал себя чуть ли не во всех литературных жанрах и родах: исторические и фантастические романы, романы воспитания и светские романы, поэзия и драматургия. В частности, ряд исследователей справедливо считают Бульвера-Литтона родоначальником такой жанровой разновидности, как ньюгейтский роман (К. Холлингсворт, Р. Давенпорт-Хайнс и др.).

Ньюгейтский роман – целостная, четко выстроенная жанровая система, порожденная периодом перехода от романтической философии, эстетики и поэтики к реалистической. О переходных периодах в литературе как источниках возникновения новых жанровых структур писал Г.Е. Тамарченко: «Новые жанры чаще всего рождаются на пересечении новых литературных направлений, вызванных вступлением общества в новый этап своей истории, и литературных традиций. Тогда происходит скрещивание традиционных форм (в том числе и жанровых) с новыми общественными и художественными задачами наступающей эпохи» [1]. Именно эта переходность определяет особенности конфликтов, характерологию, совокупность мотивов, повествовательных приемов ньюгейтского романа как особой романной модели, способных воздействовать на русский роман и как целостное образование, и отдельными составляющими своей эстетики и поэтики. Тем не менее, ньюгейтский роман изучался в основном на Западе (К. Холлингсворт, Р. Давенпорт-Хайнс, Г. Келли и др.), в России эту жанровую модификацию частично исследовали Л.И. Чернавина, М.Л. Купченко.

Ньюгейтские романы были созданы Э. Бульвером-Литтоном в основном в 1830-е гг. К ним относятся такие сочинения, как «Пол Клиффорд» (1830), «Юджин Эрам» (1832), отдельные элементы

ньюгейтской модификации прослеживаются также в романах «День и ночь» (1841) и «Лукреция, или Дети мрака» (1846).

Данные романы представляют значительную и интереснейшую часть творчества Бульвера, которая по сей день вызывает споры и оценивается весьма неоднозначно. Чаще всего, особенно в XIX в., Бульвера обвиняли в крайней идеализации преступности, изображении криминальных элементов в привлекательном виде. Современная критика находит другие недостатки в ньюгейтских романах писателя: «История Пола в общих чертах удовлетворяла целям автора <...>. Но конфликт сюжета слаб: трущобы и исправительный дом Бульвера нереалистичен» [2], – пишет К. Холлингсворт о «Поле Клиффорде». На этом основании произведения Бульвера противопоставляются романам Ч. Диккенса, где социальные низы показаны без прикрас, в острых противоречиях, хотя проблемы, поставленные обоими писателями, во многом сходны.

В ньюгейтских романах Бульвер-Литтон, как и Диккенс, но, конечно, по-своему, пытается выявить корни преступности, показать обществу, что определенный груз вины за преступления лежит и на нем. Так, в основу романа «Юджин Эрам» положена реальная история, главным героем которой был выбран учитель, работавший в семье Бульверов – Юджин Эрам, человек необычайного интеллекта, противоречивый, погруженный в себя. Из реальной истории и реального человека Бульвер создал романтический образ преступника, что делало его опять же, как и в случае с Полом Клиффордом, притягательным, несмотря на тот факт, что Эрам, несомненно, являлся убийцей. Однако на этот раз Э. Бульвер-Литтон прилагает все усилия, чтобы проникнуть в психологию этого необычного человека, выявить мотивы его преступления. И хотя тяга к идеализации подвела его и на этот раз, Бульвер, по словам Ю.И. Кагарлицкого, «впервые за тридцать четыре года до появления «Преступления и наказания» (разумеется, на другом уровне таланта) поставил вопрос о недопустимости преступления для выдающейся личности, даже против человека ничтожного» [3]. На параллели романа Бульвера с «Преступлением и наказанием» Достоевского указывают и другие исследователи: «В своем признании Эрам описывает этот умственный процесс очень подробно (это удивив-

тельно напоминает в общих чертах мысли позднего Раскольникова» [2], – пишет К. Холлингсворт. Определенное сходство в построении характеров и сюжета английского и русского произведений отмечает и французский исследователь Р. Мессак [4].

Исследование ньюгейтских романов Э. Бульвера-Литтона и их рецепции в русской литературе представляется для нас значимым именно с точки зрения восстановления жанровых систем английской литературы 1830–1840-х гг. и русской литературы 1830–1880-х гг., а также выявления общих черт и различий, позволяющих установить определенную преемственность жанрового развития в двух национальных литературах. В данной статье мы попытаемся выявить жанровые особенности ньюгейтских романов английского писателя, и, в связи с этим, природу интереса, проявившегося к данному жанру в России первой половины XIX в.

Один из самых известных ньюгейтских романов Э. Бульвера-Литтона – «Юджин Эрам» – был впервые переведен в России только спустя 30 лет после выхода его в свет на родине, в 1860-е гг., когда темы «отверженных», «униженных и оскорбленных», «преступления и наказания» стали актуальными в русской литературе. По утверждению Г.Е. Тамарченко, «в 60-е годы XIX века трудно найти писателя, который не пытался бы в своих произведениях осмыслить вновь возникающие черты и закономерности жизни. В области романа это потребовало создания новых жанровых, сюжетных, композиционных форм <...>. Усложнилась жизнь, возникли новые противоречия и конфликты, новые нравственные коллизии в общественных и личных отношениях» [1]. Как видим, обращение в России к ньюгейтскому роману Бульвера совпало с работой Ф.М. Достоевского над романом «Преступление и наказание», в котором соединились его открытия, сделанные в произведениях 1840–50-х гг. Историю рецепции ньюгейтского романа в русской литературе второй половины XIX в. продолжают такие имена, как Л.Н. Толстой, В.В. Крестовский и др.

История эта, в частности, рецепция ньюгейтских романов Бульвера в России весьма примечательна и своеобразна. Первые отзывы о них появились в 1832 г., т. е. сразу после их публикации у себя на родине и перевода на французский язык. Статьи о «Поле Клиффорде» и «Юджине Эраме» публиковались в таких популярных русских изданиях того времени, как «Телескоп», «Московский телеграф» и «Библиотека для чтения».

Публикация анонимной статьи «Английская словесность» в «Телескопе» [5] приходится на первый период шестилетнего существования этого журнала, когда во главе издания стоял Н.И. Надеждин, который единолично ведал делами редакции до своего отъезда за границу 8 июня 1835 г. Естественно, что эстетические взгляды и мировоззрение редактора отразились в этой статье, запечатлевшей критическое отношение к ньюгейтским романам Э. Бульвера-Литтона.

В частности, по мнению критика «Телескопа», ньюгейтский роман «Павел Клиффорд» есть политическая сатира на английские постановления, составляющие занимательный *pendant* к «Калебу Вильяму» Годвина. В нем характер судьбы Вильяма Брандома есть создание высокое; сцена, где он осуждает собственного сына, отмечается патетическим огнем свыше всякого выражения; и это – не одна такая сцена <...>» [5]. Интересно, что рецензент, отслеживая корни ньюгейтского романа, стремясь проникнуть в его генезис, очень точно отмечает связь первого ньюгейтского романа Бульвера-Литтона с творчеством его предшественника У. Годвина.

Роман У. Годвина (1756–1836) «Калеб Уильямс» (1795) большинство современных исследователей справедливо считают предвестником ньюгейтского романа. «Если предположить, что «черный» или «готический» роман был одним из первых видов развлекательной и в то же время эскепистской литературы <...>, то «Калеба Уильямса» можно рассматривать как связующее звено между «готическим» и «ньюгейтским» и «сенсационным» романом», – пишет Л.И. Чернавина [6]. Действительно, в основу романа У. Годвина была положена криминальная история, что дало повод многим исследователям причислять его к детективному или готическому жанру. Однако на приключенческом материале автор пытался поставить острые общественные проблемы взаимоотношения личности и государства, поднять вопрос о необходимости реформирования власти и судебной системы. В центре повествования – судьба молодого человека Калеба Уильямса, ставшего свидетелем преступления своего хозяина Фолькланда. Фолькланд, дабы спасти свою репутацию, клеветает на Калеба и заточает его в тюрьму. Пребывание главного героя за решеткой описывается во всех подробностях и красках. Многочисленные описания судебных процессов, изображение продажности главных судопроизводителей и ужасов содержания за решеткой сделали роман У. Годвина своеобразным призывом к кардинальной реформе английских законов.

В этой же статье журнала «Телескоп» довольно подробно анализируется и другой ньюгейтский роман Бульвера «Юджин Эрам». Свой анализ критик «Телескопа» начинает с выявления недостатков произведения, которые состоят, по его мнению, в «чрезвычайной поспешности», с которой Бульвер создает свои романы. Писатель причисляется к «романистам, которые не заботятся сосредоточивать занимательность представляемой ими драмы в правильном действии, коего все части содействовали бы совершенству целого» [5]. Рецензент имеет в виду обычную для сочинений Э. Бульвера-Литтона перенасыщенность событиями и героями, отвлекающими внимание читателя от основной идеи произведения. И хотя в рассматриваемом им романе, «интерес сосредоточен на меньшем числе лиц» (в нем один главный герой – Юджин Эрам), но его «раммы <...> в свою очередь оказались слишком просторными. Чтобы наполнить их, надобно было умножить коли-

чество привходящих обстоятельств, подвергаясь опасности повредить единству интереса в этой слишком продолжительной мещанской трагедии» [5]. Анализируя сюжетостроение и систему героев в романе английского писателя, рецензент «Телеграфа» называет лишним все то, что не связано непосредственно с романной ситуацией «диалога человека с миром» (М.М. Бахтин). Большое количество действий и событий негативно влияют, по мнению критика, на целостность произведения.

О герое романа также высказана критическая точка зрения, в значительной степени переключаясь с общими эстетическими взглядами редактора журнала Н.И. Надеждина: «Особенно надлежало дать Евгению Араму все чувствования романтического героя: что должно было исказить настоящий его характер» [5]. Здесь виден интерес критика к произведениям английского романиста не только с точки зрения их жанра, но и в отношении метода. Этот интерес, несомненно, связан с процессом развития русской прозы, протекавшим в литературе 30-х годов XIX в., когда зарождались основные принципы романного повествования. Именно поэтому автор статьи о романах Э. Бульвера-Литтона (в том числе ньюгейтских) поднимает как главную проблему характеров, обрисованных в произведениях английского писателя. По мнению критика, они были слишком оторваны от реального мира. При этом он обращает внимание на полноту, эпичность картины мира, окружающей героев, и достоверность ее изображения. Однако автора статьи не устраивает тип повествования, который хотя и представлен как романтический, эпический, все же ориентирован на жанр записок, жанр субъективный (фрагментарный), лирический по своей природе.

Таким образом, журнал «Телескоп», выражая основные тенденции, наблюдаемые в русской литературе первой половины XIX века, критически оценивал ньюгейтские романы Э. Бульвера-Литтона, активно использовавшего романтический художественный метод. Этот метод не соответствовал набравшему в русском искусстве силу реалистическому восприятию действительности. Большую роль в оценке творчества Э. Бульвера-Литтона играла эстетика романного жанра, активно утверждавшаяся в русской прозе.

Журналом, противостоящим «Телескопу» по ряду принципиальных вопросов, был «Московский телеграф». Причем год, в который публиковались статьи о ньюгейтских романах Э. Бульвера-Литтона в обоих журналах (1832 г.), характеризует их острой полемикой, отражавшей разные направления развития русской литературы, представляемые этими изданиями. Как известно, редактор «Московского телеграфа» Н. Полевой стоял на либерально-демократических позициях, боролся за культурный подъем в России. В литературе он отстаивал идеи романтизма, выступал за демократизацию литературных достижений, за национальную самобытность русской словесности.

Закономерно, что творчество английского романиста оказалось во многом созвучно взглядам и идеям Н. Полевого. Э. Бульверу-Литтону на этом этапе был свойствен либерализм и критическое отношение к действительности. Вполне понятно поэтому, что в опубликованной в разделе «Иностранная литература» статье «Eugene Aram». Сочинение Бульвера» анонимный автор дает характеристику творчеству английского писателя во многом противоположную той, которая была представлена на страницах «Телескопа».

Роман, название которого вынесено в заглавие статьи, «Юджин Эрам», критик оценивает достаточно высоко («Евгений Арам» доказывает сильное, прекрасное дарование Бульвера» [7]), отмечая в первую очередь интересную тематику произведения. Примечательно, что критик «Московского телеграфа» так же, как и автор статьи о Бульвере в «Телескопе», обращает внимание на жанровое своеобразие произведений английского писателя. Он отметил мастерство Бульвера как рассказчика, с чем связывал целостность и оригинальность его сочинений: «<...> Бульвер превосходит по мастерскому умению связывать события и по изложению, живому и оригинальному» [7].

Такие высокие положительные оценки редко давались ньюгейтским романам английского писателя, и то, что он получил их в «Московском телеграфе», вполне закономерно: это издание в 30-е гг. XIX в. считалось органом русского романтизма. Но романтизм Полевого был весьма своеобразен, он отличался сильным общественным, причем критическим пафосом. В произведениях Э. Бульвера-Литтона автору статьи импонировали именно критика высшего общества, постановка социальных проблем, обусловленность героя общественными и историческими обстоятельствами.

Начиная с 1834 г. активный интерес к творчеству Э. Бульвера-Литтона вообще и к его ньюгейтским романам, в частности, проявляет журнал «Библиотека для чтения». В нем печатаются переводы отдельных романов английского писателя, даются критические отзывы о некоторых его произведениях. Статья «Эдуард Литтон Бульвер», напечатанная в 1835 году и посвященная оценке творчества английского писателя в целом, носила серьезный и аналитический характер, хотя и оказалась недостаточно ровной, последовательной. Так, критик «Библиотеки» возводит Э. Бульвера-Литтона в ранг «бунтовщика» и «новатора»: «В большей части последних своих произведений восстает он на медленный и терпеливый опыт, управлявший донныне делами Англии, ее политикой, ее нравственностью, ее домашним учреждением» [8].

По сравнению со своими соотечественниками Дж. Байроном или Ч. Диккенсом, Бульвер, конечно, не был ниспровергателем общественных норм, хотя и подвергал критике существующие порядки. Это утверждение справедливо и в отношении его ньюгейтских романов, которые критик «Библиоте-

ки для чтения», видимо, имеет в виду. Но даже в этих романах очевидна склонность к идеализации героев и ситуаций, что в конечном итоге сводило на нет остроту социально-исторического конфликта. Сам автор статьи отмечает это следующим образом: «В Пельгаме, в Девере, в Евгении Араме, в Непризнанном, кто не заметит ума легкого, приятного, совершенно аристократического <...> здесь мы видим только утонченность, легкость, поверхностный взгляд, приятные шуточки, обыкновенные сцены, представленные в блестящем виде, зыбкость дарования поэтического и прозаического, эпиграммы более едкие, чем глубокие, — наконец все признаки гения гостиных, шепетливого краснобайства, *bel esprit*» [8]. Критик рассматривает роман «Юджин Эрам» в ряду других произведений Э. Бульвера-Литтона, отмечая его поверхностность и салонность, несмотря на глубину поднятых проблем.

При всей доброжелательности общего тона статьи, она оказывается крайне противоречивой. Но противоречивым было и творчество Бульвера-Литтона, что определялось тем местом, которое он занял в английском литературном процессе. Он отразил необходимый сложный процесс перехода английской литературы из одной эпохи в другую (из романтизма в реализм), переход старой эстетики романа в новую. Симпатия автора статьи к Э. Бульверу-Литтону определяется именно тем, что романист чутко улавливает потребности времени и предугадывает спрос читателей, «вовремя» меняя жанры и стили своих произведений. Эти проблемы были близки «Библиотеке для чтения»; журнал считался уже в то время представителем так называемой коммерческой журналистики. Но для Бульвера это были еще и поиски новых форм, связанные с переходной ролью его творчества.

В последующее десятилетие в русской периодической печати почти не появлялись статьи о ньюгейтских романах английского писателя. Только в «Литературной газете» за 1847 г. в статье «Луcreция, или Дети Мрака» критик вскользь, но очень примечательно характеризует роман «Юджин Эрам» как «психологический этюд» [9]. Возможно, такое игнорирование произведений было связано с тем, что они уже были неинтересны русской критике ни с точки зрения жанра, (т. к. русский роман в основном уже миновал период своего становления и полноправно воцарился в русской литературе), ни с точки зрения метода (сформировавшаяся «натуральная школа» окончательно укрепила позиции реализма). Однако ньюгейтские романы Бульвера *еще* не интересовали литераторов с точки зрения их тематики и проблематики, которая станет актуальной в следующем десятилетии и останется таковой почти до 1880-х гг.

Возврат интереса к ньюгейтским романах английского писателя знаменует критическая заметка такого видного русского критика, как А.В. Дружинин. В 1850-м г. появилась одна из его статей об английском писателе в журнале «Современник», возглавляемом И.И. Панаевым в сотрудничестве с

Н.А. Некрасовым. Несмотря на общую прогрессивную направленность этого издания, «Современник» переживал не лучший период своего существования. Н.А. Некрасов и И.И. Панаев с трудом продолжали издание журнала, но цензура и либеральный состав редакции не могли не отразиться на идейно-эстетическом уровне этого журнала.

К либерально настроенным литераторам относился и А.В. Дружинин. Его взгляды довольно отчетливо просматриваются и в его статье «Эдвард Литтон Бульвер и его новый роман «Семейство Какстонов». Вернее, это был раздел в серии его статей «Письма иногороднего читателя в журнал «Современник» [10].

В статье давалась рецензия не только на вынесенный в заглавие роман, но и на все творчество английского романиста в целом, в том числе и на его ньюгейтские романы.

Так, ньюгейтский роман Бульвера «Поль Клиффорд», в основе которого лежит криминальная история, давшая возможность автору поднять ряд социальных проблем, критик считает «оригинальным по замыслу и чрезвычайно остроумным по изложению». А.В. Дружинин указывает на то, что роман этот «был не только переведен на разные языки, но даже переделан в комедии и драмы, и одна из этих пьес когда-то играна у нас в Петербурге, под названием *Clifford le Voleur*. <...>. Из жизни этого самого Клиффорда Бульвер взял сюжет для своего романа, сделал из этого романа вора нечто вроде шиллерова Карла в миниатюре и умел избежать всякого подражания» [10]. Характерно, что это произведение критиковалось и у себя на родине, и ранее в России за излишнюю героизацию преступности. Отмечает эту особенность в своей рецензии и Дружинин, относя ее, однако, к достоинствам ньюгейтского романа.

Другое произведение, в котором Бульвер продолжает развивать тему преступности и пытается выявить ее корни, «Юджин Эрам», критик называет «романом, который через несколько столетий будет читаться вместе с романами Гольдсмита, Голвина и Филдинга. «Евгений Арам», действительно, вполне заслуживает своей известности и навсегда, по-видимому, останется лучшей вещью Бульвера, краеугольным камнем славы романиста» [11]. Критик отмечает глубокий психологизм и связанные с этим художественные достоинства произведения, утверждая, что оно «равно замечательное по его чисто-литературной и психологической стороне». При этом А.В. Дружинин довольно точно описывает основные особенности жанра ньюгейтского романа, причисляя их к достоинствам произведений Бульвера: «Смело можно сказать, что ни один из современных романистов не передавал с большею точностью всех перипетий благородной души, через заблуждения свои мало помалу вовлеченной в порок, от порока к зависти, от зависти к преступлению, и потом снова получающей свою чистоту, сперва через науку, потом через любовь, и

напоследок через ту очистительную покорность, с которою было встречено земное правосудие» [10].

Ньюгейтские романы, отмеченные критиком, отличались от произведений более поздних острой поднятых в них социальных проблем и сатирой на высший свет. Но А.В. Дружинин хвалит их, прежде всего, за оригинальность, мастерство сюжетостроения и изображения характеров, а не за критику общества и идейное содержание. Ставя Э. Бульвера-Литтона в один ряд с другими классиками английской литературы, он относит писателя к представителям «английской изящной литературы» и расценивает этот факт как достоинство таланта писателя.

Известно, что А.В. Дружинин не раз отстаивал в своих критических статьях принципы «чистого искусства», что приводило его к открытой полемике с Н.Г. Чернышевским. Эти разногласия очевидны и при рассмотрении творчества Э. Бульвера-Литтона, хотя Чернышевский обратил на него внимание несколько позже, в 1860-е годы. Его точка зрения представляет для нас несомненный интерес, т. к. ее изучение позволяет более полно и объективно реконструировать процессы восприятия ньюгейтского романа критиками, стоящими на различных идеологических позициях.

Годы критической деятельности Н.Г. Чернышевского приходятся на период, когда вопрос об идейности искусства, о соотношении идейности и художественности в литературе приобрел особую остроту. 1850–60-е гг. — время ожесточенной борьбы между дворянской эстетической критикой, представителем которой был А.В. Дружинин, и революционно-демократическим направлением. С точки зрения Н.Г. Чернышевского, писатель должен быть, прежде всего, гражданином и только потом художником. В связи с этим, полагает Чернышевский, художественное произведение изначально должно выполнять какую-либо идеологическую функцию, а его эстетическая ценность остается второстепенной.

С этой точки зрения он оценивает творчество Бульвера в своем предисловии к «Моей биографии» (1863 г.). Н.Г. Чернышевский отмечает безусловный талант английского писателя, но ему претит «свет-

скость» его романов: «Бульвер <...> светский человек, у которого нет ничего, кроме светского изящества» [11]. В этом предисловии критик противопоставляет творчество Бульвера творчеству английского романиста, оказавшегося близким Н.Г. Чернышевскому по мировоззрению — У. Годвина, о влиянии которого на английскую литературу в целом и на Э. Бульвера-Литтона в частности уже говорилось выше. В своих произведениях Годвин акцентировал интерес к социальным проблемам, красочно изображал жизнь низов. Чернышевский прямо пишет о том, что «романы Годвина неизмеримо поэтичнее романов Бульвера, которые все-таки много лучше наших Обломовых и т. п.» [11] именно с силу своей социальной направленности.

Показательно, что Н.Г. Чернышевский, противопоставляя Э. Бульвера-Литтона и У. Годвина, ставит в один ряд героев Бульвера с Обломовым, а самого Бульвера с И.А. Гончаровым и И.С. Тургеневым, таким образом, относя английского романиста к тем писателям, которые высоко ценили именно художественность произведения, его эстетическую ценность. Другими словами, Н.Г. Чернышевский отвергает Бульвера в силу художественного таланта последнего, т.е. того, в чем английскому писателю отказывали в большинстве своем русские критики 30-х гг. XIX в. Очевидно, что идеологические особенности произведения Чернышевский ставит выше его эстетических качеств, что являлось особенностью революционно-демократического направления в русском литературном процессе 1860-х гг. и что само по себе отражает некоторые тенденции восприятия ньюгейтского романа русской литературой.

Представленный анализ рецепции ньюгейтских романов Э. Бульвера-Литтона демонстрирует эволюцию восприятия данной жанровой модификации, преломленную через потребности русского литературного процесса. Если в 1830-е гг. ньюгейтский роман интересовал русских критиков в плане сюжетостроения и жанрового своеобразия, активно критиковался за романтические тенденции в изображении характеров, то в 1850–60-е гг. в центре внимания оказались его тематика и проблематика, психологизм и художественные особенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тамарченко Г.Е. Чернышевский — романист. — Л.: Худ. лит.-ра, 1976. — 286 с.
2. Hollingsworth K. Newgate novel, 1830–1847. Bulwer, Ainsworth, Dickens and Thackeray. — Detroit: Wayne State Un-ty press, 1963. — 280 p.
3. Кагарлицкий Ю.И. Бульвер-Литтон — романист: Послесловие к роману Бульвера-Литтона «Кенелм Чиллингги». — М.: Правда, 1985. — С. 537–552.
4. Messac R. Bulwer-Lytton and Dostoievski: de Paul Clifford a Raskolnikof // Revue de littérature comparée. — 1926. — Paris. — А. 6. — P. 645–651.
5. Английская словесность: [о Бульвере-Литтоне] // Телескоп. — 1832. — Ч. 9. — № 9. — С. 93–102.
6. Чернавина Л.И. «Ньюгейтский роман» // Очерки по зарубежной литературе. — Иркутск, 1972. — С. 66–88.
7. [Евгений Арам. — Париж, 1932. — 2 т.] // Московский телеграф. — 1832. — Ч. 46. — № 15. — С. 426–427.
8. Эдуард Литтон Бульвер // Библиотека для чтения. — 1835. — Т. 11. — С. 68–77.
9. Бульвер и его последний роман: [Lucretia. — L., 1847] // Литературная газета. — 1847. — № 10. — С. 151.
10. Дружинин А.В. Письма иногороднего подписчика в редакцию «Современника» о русской журналистике. Письмо пятнадцатое // Современник. — 1850. — Т. 21. — № 6. — С. 193–199.
11. Чернышевский Н.Г. Предисловие к «Моей биографии» // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15-ти т.т. — М.: Гослитиздат, 1949. Т. 2. — С. 682–683.

Поступила 08.09.2006 г.